

ПРОЛОГ

«Не смиряйтесь, до самого края не смиряйтесь. Даже тоталитарные режимы отступали, случалось, перед одержимостью, убежденностью, настырностью. Мои победы только на том и держались», — написала однажды Майя Плисецкая.

Эта прекрасная женщина, яркая звезда, удивительно талантливый и разносторонний человек стала одним из символов XX века. Символом смелости, стойкости и стремления к свободе. Она проявила себя как блестящая танцовщица — исполнительница классических партий, затем — одной из первых в Советском Союзе стала танцевать балеты модерн; и, словно не удовлетворяясь достигнутым успехом, сама стала балетмейстером. Но и этого мало — Майя Михайловна снималась в кино, работала моделью и даже манекенщицей. Более полувека она была му-

зой и женой одного из самых талантливых композиторов современности — Родиона Щедрина. Ее творчеством вдохновлялся знаменитый французский модельер Пьер Карден, считавший Майю эталоном женской красоты; ей посвящал стихи поэт Андрей Вознесенский, назвавший балерину «адской искрой»; балетмейстер Морис Бежар именовал ее «гением метаморфоз»; великий художник Марк Шагал зарисовывал балетные позы Плисецкой, чтобы позже использовать ее дикую грацию для создания шедевра, — а завистливые и куда менее талантливые соперницы шипели вслед «змея!», бюрократы-чинуши считали ее выскочкой, хулиганкой. Да она такой всегда и была! Гордой, вольной, не укладывающейся в привычные рамки, прямой и бескомпромиссной, смелой, сильной, эпатирующей...

Она достигла многого, пройдя через великие испытания, и всегда, всю свою жизнь несла людям красоту. Можно с уверенностью сказать, что без Майи Плисецкой XX век был бы другим — более пресным, серым, скучным, плоским, менее выразительным, лишенным толики небесного света и ярких красок.

КОРОТКОЕ ДЕТСТВО

Майя родилась в благополучной советской семье. Отец, Михаил Эммануилович, был довольно высокопоставленным советским чиновником, а мать, Рахиль Михайловна, актрисой немого кино. Жила семья на Сретенке, двадцать три, квартира три, на третьем, последнем этаже.

Квартира изначально принадлежала деду балерины — зубному врачу Михаилу Борисовичу Мессереру, приехавшему в Москву из Вильно. В квартире было восемь комнат — в ряд, с окнами, смотрящими на Рождественский бульвар. Их двери выходили в узкий коридор, упиравшийся в пропахшую снедью кухню с единственным окном — во двор. Почти все комнаты были распределены между членами одной большой семьи — Мессереров, лишь в самой последней обитал чужой, не член семьи, скрипач.

Рыжеволосая Майя росла своевольным, избалованным ребенком. Могла вдруг начать буйнить, потому что «бзик нашел», могла топнуть ножкой, настаивая на своем... Из педагогических соображений Майю отдали в детский сад, но все в этой малышке противилось «общественной жизни»... и при первой возможности Майя убежала — просто ушла, не спросившись, когда вся группа гуляла. Путь к дому занял часа полтора. Когда Майя появилась на пороге, в восьмикомнатной квартире царила паника: из сада позвонили с сообщением, что ребенок пропал. Воспитатели сбились с ног, заявили в милицию... Майя получила заслуженную взбучку, но больше ее в садик не водили.

В пятилетнем возрасте девочка впервые попала в театр. Больше всего Майю поразила какая-то драматическая сцена, в которой героиня в длинном черном облегающем платье стояла в луче света и принимала какое-то важное для себя решение... Потом Майя неделю играла в театр, изображая всех действующих лиц той пьесы, а особенно — стройную героиню.

В семье девочку баловали и любили. Многочисленные дяди и тети потворствовали ее шалостям и закармливали молочной лапшой, «чтоб выросла крепкой». Тут они переборщили: много лет спустя на вопросы журналистов, что она ненавидит больше всего в жизни, Майя Михайловна неизменно отвечала: лапшу! Но именно родственники со стороны матери и определили выбор профессии для подрастающей Майи! Ведь та семья была интеллигентной, театральной, творческой.

* * *

Майин дядя Асаф Мессерер начал заниматься балетом с пятнадцати лет — а это очень поздно. Впервые посетив Большой театр, он вдруг сказал родным: «Я тоже так могу!» — и все, больше никто не мог его переубедить. И оказалось, что его природные данные действительно идеальны для балета. Асаф поступил сначала в студию Михаила Мордкина — партнера легендарной Анны Павловой, затем — в Московское хореографическое училище, по окончании которого был зачислен в труппу Большого театра.

Он станцевал практически все ведущие сольные партии классических русских, зару-

бежных и советских балетов и был удостоен Сталинской премии. Потом начал выступать как балетмейстер. Майя Михайловна своим дядей восхищалась: «Он, конечно, с балетного Олимпа. Танцевал замечательно. От него воистину начался отсчет многих технических трюков, да и виртуозный стиль сольного мужского классического танца. Превосходный педагог. Класс его лечит ноги. Почти всю свою сознательную балетную жизнь каждым утром я торопилась в его класс. У него занимались Уланова, Васильев, Максимова...»

Обе супруги Асафа тоже были из театрального племени: первая жена — Анель Судакевич — актриса и художница; вторая — Ирина Тихомирнова — балерина.

Лауреатом Сталинской премии, орденоносцем была и Майина тетья — Суламифь Мессерер — солистка балета, Большого театра, обладавшая виртуозной техникой и темпераментом. Кроме балета она занималась еще и плаванием. В 1928 году на Всесоюзной спартакиаде, которая одновременно была и чемпионатом СССР по плаванию, Суламифь стала двукратной чемпионкой. А вот в старости, в восьмидесятые, Суламифь эмигрировала в Англию и преподавала в театре «Ковент-Гарден», удостоившись ордена «За

заслуги перед искусством танца». Она была возведена королевой Британии Елизаветой в рыцарское достоинство.

Еще один дядя — он взял псевдоним Азарий Азарин — работал художественным руководителем Театра им. Ермоловой. Несчастливой, но талантливой была и другая тетья — Елизавета (Элишева) — драматическая актриса того же театра. Она часто водила Майю на спектакли. Потом ее уволили из театра — Елизавета отказалась подписать какой-то донос. Она восстановилась через суд, но последовало новое увольнение... И так четыре раза. Здоровье актрисы не выдержало, она тяжело заболела и умерла очень рано.

Мать Майи — Рахиль Мессерер, была одной из первых выпускниц только что созданного ВГИКа (класс Льва Кулешова), снималась в кино. Свое имя она сократила до одного первого слога Ра — так выразительнее. Со всем юной, по большой любви Рахиль вышла замуж за Михаила Эммануиловича Плисецкого, и в этом браке родилось трое детей: Майя, Александр и Азарий.

Недолгая карьера киноактрисы Ра Мессерер была очень яркой, и этому немало способствовала ее внешность: бледная утонченная красавица с огромными выразительными

глазами и словно прорисованными бровями. Эта природная бледность, отсутствие румянца особенно ценились в кинематографе тех лет: румянец на черно-белой пленке выглядел жуткими темными пятнами. Румяным актрисам приходилось тщательно выбеливать лицо, покрывая его толстым слоем грима, ну а качество тонального крема и пудры в те годы было далеко от совершенства.

Сама Майя, правда, запомнила мать по-другому: «Небольшого роста, круглолицая, пропорционально сложенная. С огромными карими глазами, маленьким носом-пуговкой. Черные, цвета воронова крыла волосы, всегда гладко расчесаны на прямой пробор и замысловатыми змейками заложены на затылке. <...> Было в ней что-то от древних персидских миниатюр».

Лицо Ра Мессерер могло выразить любое чувство и почти любую мысль, что было очень важно в немом кинематографе. Она снималась на киностудиях «Бухкино» и «Звезда Востока», играла узбечек. Филь-

мы с ее участием — «Прокаженная», «Вторая жена» — рассказывали о трагических судьбах восточных женщин, угнетенных, но не сломленных. Об ужасах жестокого патриархального общества, где господствуют средневековые законы. Сами восточные женщины, вопреки пропагандистским заявлениям, не то что в кинематографе играть отказывались, они и паранджу скидывали крайне неохотно! Появляться без паранджи на улицах восточного города в те годы было опасно даже для европейки: убить могли. Поэтому Ра Мессерер приходилось, выходя на улицы, скрывать лицо.

Майя Михайловна в одном из интервью вспоминала, как мама водила ее в кино: «Фильмы были трагические, страшные. Она играла узбечек, а в Азии всегда были сплошные трагедии. Фильмы, как и в Индии, всегда были невероятно трагичные, просто душевраздирающие. И вот она играла прокаженную, где ее топтали лошади. Какой-то другой фильм, где ее сжигали живьем в каком-то доме. Вообще, я просто обрыдалась, хотя она сидела рядом со мной в кинотеатре, держала меня за руку и говорила: “Я здесь, я с тобой”, — а все равно я сердилась, что она мне мешала плакать».

* * *

К тому времени у Ра было уже двое маленьких детей и подчас ей приходилось надолго оставлять их ради съемок. А по сюжету фильма «Вторая жена» у ее несправедливо оклеветанной героини отнимали новорожденного сына. Рахиль стали мучить кошмары, она словно предчувствовала надвигающуюся беду.

В 1934 году Михаила Плисецкого назначили генеральным консулом Шпицбергена и начальником угольных шахт. Вся семья отправилась на этот далекий северный остров. Только в один конец добирались более недели. Сначала в Норвегию, в Осло, на поезде, потом пароходом на Баренцбург. Осло запомнился девочке веселым многокрасочным солнечным городом. И это несмотря на то, что на улицах норвежской столицы уже встречались люди со свастиками на рукавах — тогда Майя и понятия не имела, что это значит. Она с интересом озиралась вокруг, рассматривая яркие, непривычно привлекательные витрины магазинов. У одного маленького симпатичного магазина мама с дочкой остановились. Хозяйка профессионально увлекла потенциальных покупателей внутрь, принялась показывать товар. На ее прилавках лежали несметные богатства: шер-

стяные цветастые платья, широкие юбки, рукавицы с узорами, костюмчики, прошитые золотой и серебряной нитью, пушистые кофты... Воспитанная в советском аскетизме девочка не могла отвести взгляд от всего этого изобилия. Рахиль подсчитала скудные финансы, а потом потратила все, до копейки, на костюмчик с золотой нитью, который так шел ее любимой рыжей дочурке. На себя денег уже не осталось. Осознав ситуацию, растроганная хозяйка подарила Майе игрушку — кукольный фарфоровый чайный сервизик. Этот чудный подарок до сих пор стоит в столовой балерины.

От Осло до Шпицбергена плыли долго — две недели, — и все время сильно штормило. Советский ледокол «Красин» два раза в год совершал этот полярный марафон. Чтобы хоть как-то развлечь детей, капитан ссудил отца древним патефоном. Пластинка нашлась всего одна — отрывки из оперы «Кармен». Эти гениальные мелодии Майя запомнила навсегда. С тех пор Кармен ассоциировалась у нее с бурей, с непогодой, со шквальным ветром и бушующими волнами.

Плисецким выделили две комнаты в доме советской колонии. Небольшой поселок со всех сторон окружали снега, и крепкая спор-